

Представительство
и самоуполномочение
ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ
НИИ МИТИНГОВ,
ДЕКАБРЬ 2011 — ИЮНЬ 2012

Александр Бикбов

КОГДА МИТИНГ СТАНОВИТСЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ?

ДНИМ из первых в серии революционных моментов, которые в 1789 году сложились в парадигму революции, стал юридический переворот: самоупразднение третьим сословием Генеральных штатов как сословного представительства перед лицом короны и переучреждение собрания, созванного королем, в единое национальное представительство — субъект новой конституции. Французская революция уже не первое десятилетие служит неисчерпаемым арсеналом исторических параллелей и концептуальных интуиций. Ослабив строгость критериев, можно обнаружить ее протоформы и в недавних российских митингах. Например, в аналогии между революционным третьим сословием и российским «средним классом», протестующим на улицах против незаконных привилегий властвующих, или ассамблеями уличных лагерей, периодически определяющих себе место в городе и разгоняемых иногородним ОМОНОм, и учредительной Национальной ассамблеей, отказавшейся разойтись до принятия новой конституции и рассеянной королевскими наемниками. Сколь соблазнительными ни казались бы эти параллели в первом приближении, эмпирический анализ событий будет свидетельствовать не в их пользу. Так, в отличие от «третьего сословия» — категории, служившей пунктом юридического и социального консенсуса на протяжении нескольких столетий, — революционный «средний класс» был создан российскими и международными СМИ в первые несколько

дней массовых митингов. В пику французскому учредительному собранию, взявшему на себя задачу создания новой конституции, уличные «оккупай»-ассамблеи ветировали политические дискуссии, чтобы оставить время для решения хотя бы технических и процедурных вопросов.

Это, конечно, не означает, что политику, недавно вернувшуюся на российские улицы, неверно поверять гипотезой революции. Это указывает лишь на то, что при проверке такой гипотезы следует задействовать критерии, далекие от пускай ярких, но поверхностных уподоблений. Один из наиболее серьезных критериев или вопросов, релевантных недавней российской мобилизации и генетически связанных с французской революцией, — это вопрос институционального представительства. Возможно ли революционное преобразование политического режима без кардинальной смены механизма делегирования и состава узаконенных представителей? И возможна ли сама революция без постоянного представительства, признанного участниками протеста и закрепляющего революционные эффекты институционально?

Если оставить в стороне академические дебаты по этим вопросам и присмотреться к мировой активистской практике, несущей в себе революционный потенциал или претендующей на его наличие, по меньшей мере с начала 1990-х годов технический ответ состоит в отказе от самого принципа представительства и комплементарного ему лидерства. Практики прямой демократии, в частности техническая рефлексия над механизмом голосования (та самая, с которой началась юридическая революция в 1789 году), получили всемирную известность совсем недавно, с уличным движением *indignados/Ocupu* и его аналогами, захватившими географический ареал «старых» демократий. Однако в рутинной форме, отправляемой, в частности, в стенах западноевропейских университетов, схожие техники консенсуса как минимум несколько десятилетий составляют неотъемлемую часть принятия экстраординарных, а зачастую и ординарных решений: голосования на общих собраниях (генеральных ассамблеях), в которых могут принимать участие все желающие студенты и преподаватели. Именно так, на общих собраниях, в 2009 году каждый французский университет принимал решение об участии в бессрочной национальной забастовке, продлившейся полгода, как и о ее продолжении и о выходе из нее. Признанию любого, у кого есть мнение по текущей повестке, потенциально легитимным законодателем трудно отказать в революционности. Однако общие собрания (генеральные ассамблеи) были и остаются частью той системы институциональной власти, которая уже содержит арсенал тактик, релевантных различным состояниям коллективного корпуса учреждения, вклю-

чая чрезвычайное положение. Иными словами, это *перманентная* и *узаконенная* революция, которая каждый раз требует для своего возобновления благоприятного баланса сил, но которая не производит политического переворота, пока сама действующая власть утверждается революцией как процедурой.

Характер *революционного разрыва* эти техники приобретают при переносе в иное место (в частности, из университета на площадь) — такое, где они еще не играют решающей роли в учреждении действующей в этом месте власти, в частности власти муниципальных представителей и полиции. В этом смысле антропологическая матрица революционного разрыва оказывается изоморфной принципу осквернения, описанному Мэри Дуглас, в полном согласии с которым его часто и воспринимают обладатели ключевых позиций в заведенном порядке: «Нечистота — это то, что не на своем месте», и именно поэтому «к ней нужно подходить через понятие порядка»¹. До приобретения универсального характера революционные практики уже отправляются меньшинствами где-то в «подобающих» им тайных или маргинальных местах: в подслеповатых подвалах и мастерских, в экологических лагерях и на полусекретных активистских форумах, в студенческих общежитиях или во «фриковатых» из-за своей публички кафе (от Corazza до «Жан-Жака»). В привычном порядке благополучное большинство сторонится этих практик, в лучшем случае находя их «странными», а чаще опасными. Революционный разрыв происходит, когда группы-носители переносят эти практики в места, которых они сами прежде избегали, и этот перенос находит признание того же большинства в качестве допустимого или даже желанного.

Подобный разрыв, несомненно, содержался и в российских митингах, пускай лишь меньшинство их участников получили опыт прямой демократии в процедурной форме. Иной формой такого разрыва стало использование неполитического составительного остроумия, привычного для системы коммуникации и микровласти в сетевых форумах и блогах, — того, что определило звучание сотен самодельных иронических лозунгов и транспарантов, явственно отличавших эту мобилизацию от уличного движения 20-летней давности в сторону коллективного ситуационизма. «Революционная» ирония декабрьских лозунгов покорила не только самих авторов, с восторгом обнаруживших, что «нас много», но и большинство заинтригованных наблюдателей, безразличных к «серьезным» и даже ситуационистским лозунгам на плакатах многочисленных уличных акций минувшего десятилетия. В отличие от иронии, перекодирующей «серьезные»

1. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-пресс, 2000. Гл. 2.

политические смыслы в интеллектуальные/культурные высказывания, практики и языки политической гегемонии, характерные для традиционных активистских групп, на этот раз не получили признания в пространстве митингов и интерпретаций протеста. При этом практики, еще недавно маркировавшие опасную активистскую маргинальность, такие как публичное требование свободы собраний, громкое скандирование лозунгов на улице или задержание ОМОНОм, поездка в автозаке и допрос в отделении полиции, были нормализованы массовым участием и из стигмата превратились в отличительный знак: «А Вас еще не „винтили“? И в автозаке Вы еще не были?»².

Предсказуемая ограниченность эйфорического разрыва во времени и в рутине заведенного порядка стала одним из главных поводов для критики митингов, поначалу исходившей в том числе от самих участников: «Помитинговали, а что дальше?»³. Переводя этот вопрос на более консистентный политический язык: если митинги несли в себе революционный потенциал, каковы были механизмы сохранения «революционных завоеваний»? И, более строго, возможна ли рутинизация разрывов, намеченных в уличных экспериментах, без создания структур постоянного представительства — параллельно и в противовес уже действующей системе представительных институтов, таких как парламентские партии, в российском случае с очевидностью «прирученные»? Достаточны ли сам опыт участия в митингах неактивистов и некоторые элементы прямой демократии, такие как уличные «оккупай»-ассамблеи, для формирования нового политического субъекта?

Данная статья не предлагает исчерпывающего ответа на эти вопросы. У нее более узкая подготовительная задача: прояснить эмпирическую конфигурацию социального и политического представительства, намеченную семью месяцами массовой уличной мобилизации, с опорой на материалы исследования, которое на протяжении этого времени вела Независимая исследовательская инициатива (НИИ митингов).

Вопрос о представительстве отсылает не только к авангардным активистским практикам, предлагающим радикальный ответ в виде выхода из самой системы представительства. Он также касается возможного возврата массовых партий⁴ к публичному представлению взглядов своих избирателей, а не своего аппарата и не консенсуса внутри профессиональной политики. В последние

2. Вопросы, неоднократно звучавшие в разговорах участников уличных лагерей в Москве в конце мая — начале июня 2012 года.
3. Этот вопрос можно обнаружить в десятках записей из блогов участников митинга 10 декабря 2011 года.
4. В одной из форм — создания новых партий.

годы российские авторы, попавшие в фарватер международных дебатов, ссылаются на кризис или конец представительства, который обычно понимается одновременно как спад гражданского доверия к представительным органам и институциональная дисфункция последних. При всем субъективном правдоподобию эти повторы напоминают о другой моде десятилетней давности — серии вторичных публикаций о «конце труда», в свою очередь последовавших за модой двадцатилетней давности на «конец истории», вкупе с многократно воспроизведенным утверждением о «конце больших нарративов». С эмпирической точки зрения это лишь очередная интеллектуальная ловушка: мировая история продолжилась вместе со свертыванием либеральных демократий и социальных государств, международную политическую сцену захватили новые большие нарративы «глобального порядка и безопасности», трудовой вопрос заново обострился с прекаризацией найма, а революционная смена правящих режимов на Востоке и российское движение «За честные выборы» вернули в число актуальных проблему представительства. На деле, сколь острым ни был бы интерес интеллектуальных производителей к поспешным объявлениям об «окончательной» смене эпох и «отмирании» отдельных структур, современность последовательно демонстрирует свою многослойную конструкцию: громогласные разрывы с институтами, объявленными безжизненным рудиментом, происходят на фоне последовательно и часто молчаливо воспроизводимых техник управления населением, лежащих в их основе и кристаллизованных десятилетиями, если не столетиями ранее.

За исключением двенадцати лет в 1905–1917 годах и пятилетия в 1988–1993 годах, российское Новое время дает мало оснований для коллективного восприятия парламентских выборов как исторического завоевания, которое заслуживало бы решительной защиты⁵. Но именно выборы, а не естественная смерть высших лиц и не большая международная война на этот раз обозначили веху в истории российского общества. Уличная протестная мобилизация в российских городах опиралась на детальные свидетельства аполитичных наблюдателей о нарушении процедуры голосования, то есть на скрупулезное внимание к индивидуальному акту политического делегирования — этой основе совре-

5. Насколько условия парламентского состязания в 1989 году отличались от более ранних советских (как и от актуальных), с сожалением свидетельствует работник аппарата ЦК КПСС в 1983–1990 годах: «Характерно, что в Орготделе ЦК, где мне тогда довелось работать, в ходе предвыборной кампании действовала жесткая директива „ни во что не вмешиваться“, существовал категорический запрет на связь с местными партийными организациями» (*Легостаев В. Гиблый съезд* (К 10-й годовщине XXVIII съезда КПСС) // *Завтра*. 2000. № 28 (345)).

менного институционального представительства. И хотя для многих демонстрантов документированные нарушения выборов были в конечном счете лишь одним из поводов для выхода на улицы, тот факт, что этот повод подорвал многолетний консенсус политического невмешательства и апатии, когда «не работало ничто другое», ставит представительство в ряд наиболее интригующих вопросов текущего момента.

СТРАННЫЙ КРИЗИС ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Институты массового политического представительства, отверждаемые в отказе от крайностей автократии (диктатуры или наследования) и анархии (прямой демократии), который был воспроизведен и в российском политическом опыте конца 1980-х, несут на себе упомянутое бремя многослойной современности, блокирующее их демонтаж. Если в основе любого представительства лежит самовыдвижение полномочных лиц и делегирование им специфического труда⁶, помимо прочего состоящего в соблазнении представляемых — предложении им привлекательных условий/символов для объединения, — а не самоуполномочение большинства, характерное для прямой демократии, как и не репрессивное, в том числе физическое принуждение к единству в рамках диктатуры, лучшим доказательством «кризиса представительства» в современных обществах могли бы служить две эмпирические тенденции: смещение большинства политических режимов к диктатуре одновременно с упразднением парламентских выборов и/или рост числа групп и объединений прямой демократии, которые возвращают себе непосредственное политическое высказывание и действие, непрерывно отсрочиваемые актом делегирования. Во всем разнообразии международного политического опыта можно обнаружить эксперименты обоих типов. Но для российского, как и для других современных обществ *en masse*, характерно нечто иное, отвечающее скорее логике перехвата социальных условий политического представительства при сохранении и даже укреплении его нормативной ценности и процедурных форм.

6. Анализируя фетишизацию представительства, Пьер Бурдьё демонстрирует его имманентность акту делегирования, в той же мере определяющего политическое действие, что и религиозное (*Бурдьё П.* Делегирование и политический фетишизм // Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994). Социологический анализ подкрепляют исторические констатации на ту же тему: «История представительства началась в Средние века внутри Церкви» (*Манен Б., Урбинати Н.* Насколько демократична представительная демократия (Беседа с Элен Ландемор) // Пушкин. 2009. № 3. С. 135).

С одной стороны, как показывают исследования, прослеживающие политику массовых партий с 1970-х по 2000-е годы, для традиционных демократий характерна ситуация, когда партийные решения лучше согласуются не с предпочтениями рядовых избирателей, оцененными по шкале правый/левый, а с предпочтениями публичных лидеров мнений⁷. Это отвечает второму принципу представительной системы, аналитически вычлененному Бернаром Маненом, хотя и противоречит политическому здравому смыслу⁸. Учитывая, что, за исключением Австралии, лидеры мнений в данный период в среднем чаще располагались левее прочих избирателей в политическом спектре⁹, подобный гегемонизм можно считать обнадеживающим свидетельством отказа партий от дрейфа в реакционное охранительство. С другой стороны, реакционный противовес правому популизму в последнее десятилетие все чаще реализуется в так называемой «политике безопасности», набравшей силу во всем мире в разнообразии форм — от антитеррористического (антиэкстремистского) законодательства до репрессивного контроля жителей городских окраин и учеников средних школ¹⁰: в ее реализации партии действуют рука об руку с силовыми ведомствами. Суммирующим вектором антипопулизма партий в ряде политических вопросов и скрытого элитизма «политик безопасности» становятся сохранение самой партийной системы и высокие издержки вхождения в зону практик прямой демократии. Парадоксальным образом партии и парламент остаются нужны как для гегемониальной политической практики¹¹, так и для репрессивных мер в отно-

7. Adams J., Ezrow L. Who Do European Parties Represent? How Western European Parties Represent the Policy Preferences of Opinion Leaders // *The Journal of Politics*. 2009. № 71.

8. Манен Б. Принципы представительного правления. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2008. С. 15. Этот принцип воспроизводится и в цитированном выше интервью: «Те, кто наделен властью, пользуются известной мерой независимости в принятии политических решений во время своего пребывания в должности. Нельзя сказать, что они жестко связаны пожеланиями избирателей или теми политическими платформами, на которых пришли к власти в ходе выборов» (Манен Б., Урбинати Н. Указ. соч. С. 137).

9. Adams J., Ezrow L. Op. cit. P. 211.

10. Подробное описание развертывания «политик безопасности» в разных секторах французского общества см.: *La machine à punir: Pratiques et discours sécuritaires / Sous la dir. de L. Bonelli et G. Sainati*. Paris: L'Esprit Frappeur, 2004.

11. Обобщая, здесь и далее «гегемониальный» будет пониматься в широком смысле, то есть как такой тип политической организации, где разделение политического труда между профессионалами и «обычными гражданами», обеспеченное процедурным или негласным делегированием полномочий, сопровождается закреплением за профессиональными делегатами познавательного и морального превосходства. Наглядным примером законодательно закрепленной гегемонии может служить 6-я статья совет-

шении новых «опасных классов»¹². Ограниченность по времени и влиянию опытов прямой демократии, подобных американскому движению Оссигу или ассамблеям в рамках российской уличной мобилизации, являет тому лишь одну и наиболее очевидную иллюстрацию. Подобных иллюстраций оказывается значительно больше, чем можно увидеть в первом приближении, если принять во внимание наступление международных реформ образования и медицины на профессиональное самоуправление в этих сферах, диффузную криминализацию автономных общественных движений на протяжении последнего десятилетия¹³, международное законодательное закрепление мер, ограничивающих гражданские свободы и целый ряд однопорядковых феноменов, ключевая роль в материализации которых принадлежит представительным институтам. Все вместе эти факты демонстрируют, что отход правомочного большинства от политической активности сопровождается не ослаблением представительных институтов, а их репрессивной перенастройкой при удержании той регулятивной функции, которую они выполняют в управлении населением и отдельными социальными категориями.

Так же как массовый выход из институциональной игры в делегирование, усиливающий власть номинальных делегатов, укреплению партийного представительства может способствовать протест против его неэффективности, что и продемонстрировали массовые российские выступления в период между

ской Конституции (1977 год) о «руководящей и направляющей силе общества», роль которой приписывалась КПСС.

12. Вероятно, наиболее последовательный анализ перепроизводства социально незащищенных категорий в «новые опасные классы» содержится в исследованиях Лоика Вакана. См., напр.: *Wacquant L. Punishing the Poor. The Neoliberal Government of Social Insecurity*. Durham; London: Duke University Press, 2009.
13. Стратегия криминализации общественных движений, за последнее десятилетие приобретающая все более ощутимые масштабы, двойственна. Первое направление — это присвоение экстремистского/террористического статуса движению в целом и уголовное преследование активистов не за криминальные акты, а за принадлежность к движению. Примеры из российской практики: фабрикация дел против участников антифашистского движения в Нижнем Новгороде за принадлежность к несуществующей «экстремистской группировке „Антифа-Rash“» или приговор участницам Pussy Riot, где одним из пунктов обвинения выступала их принадлежность к феминистскому движению. Второе направление — это осуждение общественных активистов не за публичную деятельность, а за уголовные и административные нарушения, которых они не совершали. Примеры: фабрикация ряда «наркотических» дел против организаторов независимых профсоюзов (дело Урусова) и общественных активистов (дело Лоскутова) или попытки лишения активистов родительских прав под предлогом «плохого обращения» или даже «бедности» (случаи Пчелинцева, Чириковой и ряд схожих).

парламентскими и президентскими выборами. Далекая от завершения эта мобилизация в первую очередь возобновила заинтересованное участие в выборах и произвела перенос *общего интереса* на ту партийную систему, которая по разным основаниям была признана крайне уязвимой как ее наиболее решительными критиками, так и ее официальными и теневыми инженерами. В содержательном отношении голосование часто оставалось негативным, подчиняясь логике «за любую партию, кроме „Единой России“», «за любого кандидата, кроме Путина». Однако при всем скепсисе в адрес действующих партий и, более широко, институциональной политики, который значительная часть митингующих разделяла и после 4 декабря 2011 года¹⁴, протест против (без) действующей системы сверхдетерминировал формальный акт голосования личной моральной ответственностью, тем самым перезапустив сам механизм институционального представительства, а в качестве побочного эффекта обострив межпартийное состязание и заставив карманные партии заинтересованно выглядывать из кармана.

ЭПОХА МИТИНГОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Начало уличной мобилизации было мало связано с электоральными предпочтениями в пользу конкретной партии или кандидата, допущенных к легальному состязанию и подозрительных уже в силу своего присутствия на сцене институциональной политики. Гораздо яснее артикулированной представала готовность демонстрантов принимать участие в выборах/политическом состязании как таковых и, пускай с существенными оговорками, быть представленными: «Путин не очень, Зюганов старенький, но к коммунизму я отношусь хорошо. Из новых лиц приятен Прохоров, но я сомневаюсь в нем» (Москва, 4.02.12¹⁵, женщина, около 25 лет, высшее образование, частный предприниматель); «Я голосовал за партию „Яблоко“, я им симпатизирую, но не во всем. Вот если будет какое-то движение или партия, которые будут больше отвечать моим требованиям и интересам, я надеюсь, я узнаю об этом в этом году, когда их появятся больше, зарегистрированных. Может быть, я сам больше внимания проявлю» (мужчина, около 25 лет, высшее образование,

14. Один из способов проверить это — перечитать самодельные лозунги, представленные на улицах 10 декабря 2011 года.

15. Здесь и далее первое указание в скобках — место и дата митинга, на котором было проведено интервью. Если в последующих цитатах отсутствует иное место и дата, это означает, что интервью проводилось на том же митинге.

менеджер в сфере PR); «Из существующих никакие силы не поддерживаю. Но я все равно буду какие-то поддерживать, вопреки существующей партии власти. Хотел бы поддерживать коммунистов» (мужчина, около 30 лет, высшее образование, IT-специалист); «Ну, я не смотрела внимательно программы всех партий. И, ну, очень многие люди из тех, кто организаторы тоже, не пользуются моей симпатией. <...> Люди, которые выступают, например те же Акунин, Парфенов, — да, они, конечно, интеллигенция все, но я не представляю как бы, чтобы они могли стать политиками» (Москва, 24.12.2011, женщина, около 45 лет, высшее образование, биолог в фармацевтической компании)¹⁶ и т. д.

Формы политического представительства протеста

Помимо возобновленного, хотя и сдержанного интереса к действующим партиям и гораздо более острого — к потенциально возможным, сама структура уличной мобилизации содержала элементы традиционной механики представительства, которые открывали разноплановое и многосоставное движение не столько возможности революционного разрыва, сколько рискам разочаровывающе быстрой политической инструментализации. Следует сразу отметить, что во многом эти риски были нейтрализованы диффузной структурой мобилизации и формами самоуполномочения демонстрантов, которые кристаллизовались по ходу протеста: об этом подробнее будет сказано далее. Однако сами эти элементы заслуживают особого внимания. Речь здесь не только о проектах единой оппозиционной партии, призванной объединить любые «внесистемные» (внепарламентские) политические силы — от социал-демократов и либералов до ультра-националистов, — которая в случае маловероятной реализации не могла стать чем-то иным, помимо очередной разновидности машины «хватай всех»¹⁷. И не только о конкурирующих с ним

16. Цитируемые интервью были собраны на уличных акциях в течение декабря 2011 — июля 2012 года участниками Независимой исследовательской инициативы (НИИ митингов). В сборе и систематизации материалов приняли участие: Алан Амерханов, Александр Бикбов, Александрина Ваньке, Ксения Винькова, Анна Григорьева, Светлана Ерпылева, Анастасия Кальк, Карин Клеман, Георгий Коновалов, Эльвира Кульчицкая, Павел Митенко, Ольга Николаева, Мария Петрухина, Егор Соколов, Ирина Суркичанова, Арсений Сысоев, Денис Тайлаков, Екатерина Тарновская, Александр Тропин, Александр Фудин, Дарья Шафрина.

17. Исходное определение этого типа партий см.: *Kirchheimer O. The Transformation of the Western European Party System // Political Parties and Political Development / J. LaPalombara, M. Weiner (Eds.). Princeton: Princeton University Press, 1966.* Новая, процедурно более последовательная попытка создания такой машины — объявленные на октябрь 2012 года выборы

в логике символического объединения/разделения попытках навязать протесту единое и единственное социальное определение: «средний класс», «креативный класс», «русские» (в зависимости от оратора)¹⁸, которое содержало в себе неявную претензию на политический мандат. Гораздо более фундаментальной и выразительной попыткой оформить постоянное политическое представительство всего движения стало наличие на митингах самой центральной сцены и находившегося на ней самоназначенного оргкомитета, который определял состав ораторов и порядок выступлений у микрофона, а также дни проведения митингов — в непрерывном торге с городской исполнительной властью. Несмотря на то что политическое ядро оргкомитета настаивало на своей роли ситуационного модератора, участники митингов ясно считывали его претензии на постоянное политическое представительство, в том числе объективируя это понимание в упреке: «Мы не ради вас здесь собрались!».

На том же полюсе игры в представительство внутри слабо институционализированного уличного протеста располагались самопровозглашенные структуры политической координации, в частности «Гражданское движение», которое стало площадкой компромисса в первую очередь между политическими активистами малых групп различной доктринальной окраски. При всех своих различиях они сходились в гегемониальном видении политического действия, реализуя его в создании программных документов, формулировке требований для голосования на митингах, учреждении тематических рабочих групп и квотного самопредставительства («курий»), активном участии в дебатах об определении и списках политзаключенных и т. д. В отличие

в Координационный совет оппозиции, определение функций которого отсрочено, притом что в нем заранее зарезервированы квоты для общегражданских, левых, либеральных и националистических представителей (подробнее: <http://www.cvk2012.org/>).

18. Примечательно, что в успешном навязывании этих характеристик ключевая роль принадлежала СМИ: от того, была та или иная характеристика подхвачена журналистами или нет, фигурировала ли в заголовках и лидах публикаций, во многом зависело ее дальнейшее использование если не в качестве категории политического представления, то как практического, подручного обозначения. Именно так долгое время (с декабря по июнь) функционировала категория «креативный класс». Исходно ограниченная в своем гипотетическом социальном означаемом, она была озвучена с центральной сцены митингов и в комментариях двумя-тремя медийно признанными персонажами, но затем многократно транслирована СМИ, работники которых не вполне отождествляют себя с этой категорией, но и не занимают в ее отношении критической дистанции. Использованию категории «средний класс» как фикции социального представительства в протестном движении посвящен один из следующих разделов данной статьи.

от оргкомитета митингов и некоторых других координационных инициатив, «Гражданское движение» пыталось навязать уличным акциям политический язык, в частности настаивая на политизации требований и их сдвиге в сторону социальной повестки. Очевидно проблемным, однако, был вектор такой политизации: отчетливый антагонизм между представленными на площадке радикально либеральными, крайне левыми и антифашистскими, крайне правыми, вплоть до ультранационалистическими, группами сводил возможные общие требования к тем нескольким пунктам, которые мало расходились с предложениями «неполитических» центров представительства, таких как оргкомитет митингов или «Лига избирателей», и касались в основном отставки президента, правительства, главы Центризбиркома, проведения общенародного референдума. В результате даже представители крайних националистических организаций, стремящиеся говорить с главной сцены митингов, быстро отказывались от доктринальных лозунгов «русской революции» и публично переходили на конвенциональный язык «демократии» и «борьбы с коррумпированным режимом».

Наряду с оргкомитетом митингов, склонным к монополизации протеста, и во многом в пику ему «Гражданское движение», а также действующая на негегемониальной платформе «Лига избирателей» выступили попытками *постоянного* и универсального представительства протеста, которое действовало в период между массовыми уличными акциями, претендуя на их техническую и/или программную подготовку, и формулировало требования, выходящие за тематические рамки мобилизации. Каждая из этих структур, специально не ставившая вопроса о специфической публике, к которой она обращалась и которую была готова представлять, номинально адресовалась к универсальному большинству («народу», «гражданам», «избирателям») и *de facto* предлагала не столько различные программы протеста, различающиеся по степени радикализма или предполагаемому в случае победы будущему, сколько различные способы *кодирования* одних и тех же легальных протестных действий, к каждому из которых в неравной мере были чувствительны разные типы участников мобилизации: симпатизанты традиционных партий, политические активисты, недавние «безразличные». Проект единого Координационного совета оппозиции, структурно наследующий модели «Гражданского движения» с ее квотным представительством, служит попыткой закрепления постоянного представительства протеста с помощью политического мандата: «Нужно сделать все, чтобы у избранных лидеров протестного движения была легитимность, чтобы они говорили от имени граждан, которые их избрали, а не как самопровозглашенные» (Дмитрий Гудков); «С 11 дека-

бря я постоянно отвечаю на вопрос: „А почему именно вы взяли на себя право решать за всех, кто вышел на улицу?“ Постановка вопроса уместная, и ответить на него можно только единственным образом: „Нас выбрали“» (Алексей Навальный)¹⁹.

Однако на протяжении этих месяцев сформировались и иного типа координационные центры, в той или иной степени претендовавшие на то, чтобы представлять движение, или имевшие такой потенциал. Среди них можно назвать незначительно пересекающиеся по составу «Мастерскую протестных действий», «оккупай»-ассамблеи, ассоциации наблюдателей. В отличие от названных выше структур, реализованных в опыте постоянного высказывания от лица движения и попытках его координации, эти структуры были локализованы на полюсе *ситуативного* представительства, ограниченного временем и тактическими задачами мобилизации. Немаловажно, однако, что и в их случае состав участников, исполнявших координационные функции, обладал устойчивостью. Даже «оккупай»-ассамблеи в уличных лагерях (Москвы), которые, следуя международному протоколу, декларируют принципиальный отказ от лидерства и обновляемый состав координаторов²⁰, функционировали на пике массовости лагерей при участии двух последовательно сменившихся команд модераторов с хорошо узнаваемыми и медийно признанными делегатами²¹.

Все эти центры самоорганизации и/или представительства вне зависимости от декларируемой политизации или аполитичности (как «Лига избирателей») и даже от намерения представлять кого-то, помимо себя самих, определяли себя не через политический мандат, а через технологии протестного процесса: техническую организацию митингов и подготовительных дискуссий, координацию сбора средств и распространение информации, юридическое обеспечение, модерацию взаимодействий между существую-

19. Файбисович И. Как устроены выборы в Координационный совет оппозиции // Сноб.Ру. 24.08.12. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/52076>.

20. Базовые принципы, сформулированные в различных географических точках движения Occupy, принципиально схожи. Одна из версий протокола ассамблей — Occupy's Guide to General Assembly. URL: <http://occupyhouston.org/occhous-guide-to-general-assembly/>.

21. Ключевая роль в их признании/узнавании в этом качестве принадлежит не только практическим группам активистов, действовавшим до начала мобилизации или сложившимся в ее ходе, но и СМИ, «большим» и активистским (street-media), — в последнем случае через регулярные онлайн-трансляции ассамблей и тематические группы в социальных сетях. В этом смысле появление представителей обеих модераторских «команд» не выглядит случайным, например, в редкой по жанру (для российских СМИ) публикации «Дети Абая». См.: Азар. И. Дети Абая // Лента.Ру. 26.07.2012. URL: <http://www.lenta.ru/articles/2012/07/26/postabay/>.

щими группами, привлечение новых участников²². Именно этим посредникам, обладателям наиболее эффективных технических навыков и наиболее плотных связей с другими самовыдвинутыми представителями, в итоге чаще любых других претендентов была делегирована сцена митингов, место на переговорах с органами власти, максимальное внимание журналистов.

Крайне показательно, что перехват права объявлять о следующем шаге мобилизации и говорить от лица митингующих с журналистами и мэрией также произошел в рамках отправления посреднических функций, удостоверенных действующей властью. Известная коллизия со сменой места проведения митинга 10 декабря в Москве стала результатом выбора властями иных переговорщиков, нежели его изначальные заявители. Признание городской и государственной администрациями известного политика ельцинского периода Бориса Немцова в качестве подходящего оппонента/собеседника предоставило ему решающий ресурс для занятия ключевой позиции в сети будущего оргкомитета митингов «За честные выборы». Эта его роль делегата-переговорщика от движения за перевыборы становилась особенно двусмысленной, поскольку лишь несколькими днями ранее он призывал бойкотировать выборы как таковые. В том числе по этой причине, но прежде всего в силу отказа массовых участников мобилизации от постоянного представительства в пользу ситуативного ни альянс Бориса Немцова, ни «Гражданское движение» не получили сколько-нибудь ощутимого уполномочения со стороны демонстрантов и либо фактически прекратили существование в исходном широком составе («Гражданское движение»), либо значительно обновили представительский первый ряд (в оргкомитете место профессиональных политиков в нем заняли медиафигуры).

В целом же во всей серии попыток говорить от имени протестного движения перед лицом властей, журналистов и перед самими его участниками можно обнаружить многократно воспроизводящийся поворотный момент: *конверсию* организационного посредничества в политическое представительство.

Рецепция представительства и самопредставление

Претензии на представительство внутри движения, а не в системе действующих партий, осциллирующие между технологическим и политическим полюсами мобилизации, симметричны

22. За исключением единого Координационного совета оппозиции с претензией на политический мандат — попытки более поздней и к настоящему моменту не завершенной.

уже указанной готовности демонстрантов быть представленными, но и в этом случае отвечают ей не в полной мере. Среди митингующих было немало тех, кто воспринял призыв к честным выборам как метафору более глубокого исправления общества, масштаб которого несоизмерим функциям представительства: «Честные выборы — это как знак изменений в стране. <...> Если будут честные выборы, то, значит, соответственно, и закон начнет работать в стране. Гораздо шире» (Москва, 4.02.2012, женщина, два высших образования, работает); «Чтобы каждый нес ответственность. Чтобы законы работали элементарно, чтобы суды были честными, чтобы армия была сильная, вот... Ну, то есть чтобы все нормально работало и функционировало» (мужчина, около 30 лет, высшее образование, инженер). Были и те, кто выходил на митинги, оставаясь «верующим без церкви»: они могли достаточно точно определить свои политические предпочтения, но никак не соотносили их с партийной конъюнктурой и перспективой институциональных перемен. Среди них — и разочарованные участники общественного подъема конца 1980-х — начала 1990-х, и те, кто находился в ситуации поколенческого и политического разрыва с этим периодом: «Сейчас уже нет тех движений, к которым мы примыкали естественным образом, которые были при Гайдаре. <...> Мы решаем в основном локальные проблемы в своей профессии, предполагая, что это необходимая часть решения проблем в стране» (мужчина, за 50 лет, высшее образование, научный работник в университете); «Я просто не вижу именно той организации, которая выражала бы мои интересы, вот именно потому, что у нас демократия немного странновата, на мой взгляд. Но по убеждениям таким, если терминами говорить, я скорее социал-демократ» (мужчина, около 25 лет, высшее образование, аспирант-социолог).

Другое измерение, которое вносило вклад в это разнообразие, было задано невидимым напряжением между принципами представительства и прямой демократии. Часть митингующих высказывались в пользу номинальной повестки митингов, то есть за честные выборы, не видя себя непосредственными агентами политической работы. Продолжая считать политику непривлекательным и грязным делом, они рассчитывали не взять опасную власть в свои руки, а *принудить* тех, кто уже находится у власти или может прийти к ней, действовать, наконец, менее алчно и эгоистично: «Я не хочу участвовать в политике, потому что понимаю, что это очень грязное дело и... ну, это всегда так, это нормально. Единственное, как я могу влиять на то, чтобы подталкивать это все грязное русло в нужное мне направление, — это выбор, а его у меня нет» (Москва, 4.02.2012, мужчина, около 30 лет, высшее образование, IT-специалист); «Нужен конкретный

комитет с конкретными действиями, конкретные люди должны вести переговоры уже с властями. <...> Люди, которым мы верим. Люди, имеющие определенный политический вес» (Москва, 24.12.2011, женщина, за 60 лет, школьный воспитатель). Или сами рассчитывали на гегемониальную позицию в подобном взаимодействии: «Пускай народ сам решит, кто его должен представлять. Зарегистрируют все партии, которые есть. <...> Партии должны предложить обществу пути развития. Общество должно выбрать один из путей» (Москва, 24.12.2011, мужчина, около 25 лет, неоконченное высшее, мойщик витрин, активист «Другой России»).

Им неявно оппонировали те, кто критиковал претензии на «естественное» представительство в рамках движения: «Мне не понравилось то, что представители партий из этого митинга пытаются извлечь свою выгоду. Они как бы электорат себе набирают. Это проблема, которая будет всегда возникать, когда есть сцена, ораторы. Кто-то их назначает. Не мы... Фактически мы пытаемся избавиться от Путина, но то, что происходит на сцене, — это чем-то напоминает то, как если бы кто-то решал за нас, кто будет выступать» (мужчина, около 25 лет, работник сферы транспорта). И те, кто оспаривал сам принцип представительного правления: «Должна меняться система представительной демократии на какую-то смешанную систему представительной и прямой демократии. Я не верю прямой демократии совсем, потому что это как-то другая крайность. Прямая демократия хорошо работала в Древней Греции, когда все друг друга знали» (мужчина, высшее образование, программист и системный архитектор).

Сверх и помимо понятийной рефлексии о принципах представительства, в целом нехарактерной для малополитизированных участников, демонстранты реализовали свои склонности в самом стиле участия. Многим из них достаточно было знать время и место узаконенного митинга — не для того, чтобы поддержать «своих» представителей, но чтобы предъявить собственные плакаты и лозунги, никем, помимо своей дружеской/семейной группы, не одобренные и с никакими координационными центрами не согласованные. Как следует в том числе из приведенных фрагментов интервью, многие демонстранты не считали, что в тот момент их кто-то представлял. В свою очередь, многочисленные изобретатели лозунгов не представляли на митингах никого, помимо самих себя. По сути, в уличной мобилизации незримо сталкивались и мирно уживались соблазн быть представленными новыми, лучшими профессионалами от политики и готовность/способность к самопредставлению²³.

23. Подробнее функцию первых митингов как городской сцены самопредставления я обсуждаю в статье: *Bikbov A. Mobilisation à Moscou: ni*

Самоназначенными делегатами здесь выступали как «старые» политические силы, включая малые активистские группы, так и едва возникшие новые объединения, подобные «Белым лентам», «Лиге избирателей» и иным, участники которых становились кандидатами в уполномоченные лица, как только брали на себя посреднические и координационные функции и получали признание СМИ в этом качестве. Однако большинство демонстрантов регулярно возвращались не «к ним», а в то новое и монополизированное ни одной из политических сил пространство, которое было учреждено *незавершенностью/отсрочкой* акта делегирования, делавшей возможным содержательно и стилистически не ограниченное самовыражение. Иными словами, пространство массовых митингов, не запланированных заранее ни одной из политических организаций, где большинство спонтанных участников не претендует ни на отчетливую политическую принадлежность, ни на артикулированную модель коллективного действия, раскрывалось в незавершенной игре делегирования протеста, уравновешенной самопредставительством.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ КЛАССЫ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Неопределенность протеста в терминах традиционного политического представительства неотделима от субъективной неопределенности социальной структуры и неконсистентности тематизирующих ее публичных дебатов, характерных для российского общества в «мирное время». Я неоднократно демонстрировал на фактическом материале, что атрибуция митингов «среднему классу» произошла сразу после первых выступлений 5–6 декабря 2011 года и являла собой исключительно медийную конструкцию²⁴. Если кратко резюмировать сказанное ранее, массив публикаций первой половины декабря в российских и международных СМИ, который представил «средний класс» основным носителем протеста, опередил не только любые социологические исследования, но и интерес к этой категории у самих демон-

«manifestations de l'opposition», ni «révolution arabe» // Mouvements. 12.01.2012. URL: <http://www.mouvements.info/Mobilisation-a-Moscou-ni.html>.

24. См., в частности: *Силаев Н.* Плоды умолчаний. Интервью с Александром Бикбовым // Эксперт. 23 апреля 2012. № 16; *Bikbov A.* Une étiquette commode pour les opposants russes / Does Russia have a middle class? // *Le Monde diplomatique*. Mai (May) 2012; Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 — июнь 2012 года) // *Laboratorium*. Журнал социальных исследований. 2012. № 2.

странтов, который можно было бы зафиксировать, в частности, в блогах и уличных интервью. В сравнении с публикациями СМИ, где «средний класс» в первые три месяца мобилизации упоминался примерно вдвое чаще, чем в предшествующие три месяца, число записей в блогах не претерпело сколько-нибудь заметных изменений²⁵. Справедливости ради следует заметить, что некоторые СМИ предложили иные способы социального определения протестующих, например «новая интеллигенция»²⁶. Однако и эти попытки имели своей плоскостью отталкивания ту же доминирующую категорию²⁷.

Сами митингующие называли себя «средним классом» редко, с кардинальными оговорками и, в целом по массиву интервью, в более широком ряду самохарактеристик, включавших как социальные категории («студенты», «предприниматели» и т. д.), так и акциональные («политически активный класс», «граждане», «просто люди, которым надоел Путин» и ряд иных). У столь кардинального расхождения в социальной атрибуции протеста, озвученного журналистами и самими демонстрантами, имеется два основания: *структурное*, имманентное техникам мобилизации/представительства и *коллективное*, агрегирующее спонтанные ожидания и предрасположенности участников внезапной массовой мобилизации.

Структурное основание: компромиссы и умолчания

Структурное основание, вероятно, наиболее полно раскрывается в номинальной повестке массовых уличных акций — согласованных лозунгах протеста и выступлениях со сцены. Помимо тем украденных выборов и коррумпированной власти, социальные требования, релевантные различной социальной/классовой чувствительности (образование, медицина, ЖКХ, с одной стороны, и высокие налоги, бюрократические издержки бизнеса — с другой), почти не артикулировались или даже подвергались (само)цензуре на центральной сцене от митинга к митингу. Как след-

25. Подробнее см.: Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма... Раздел «Социальное представительство в пространстве медийных интерпретаций».

26. Проект «Московских новостей», запущенный в феврале 2012 года. URL: <http://www.mn.ru/trend/newintel/>.

27. Альтернатива господствующему определению была дана в том числе в тексте, который издание позиционировало как свой манифест: «Определение „средний класс“, которое оказалось наиболее близким к нашей аудитории из существующих, нас категорически не устроило» (Мультимедийная редакция «Московских новостей»). Мы вас представляем. «Московские новости» обнаружили в России «новую интеллигенцию» // Московские новости. 9.02.2012. URL: <http://www.mn.ru/society/20120209/311239794.html>.

ствие, на улице, сами того не сознавая, бок о бок соседствовали обладатели полярных взглядов на проблему бедности, ситуацию на рынке труда, вопросы миграции или российскую международную политику. Так, если одни были уверены, что «мужик от 18 до 40 должен работать» и низкие зарплаты — вопрос «индивидуальный» (Москва, 4.02.2012, женщина, около 30 лет, высшее образование, бывшая владелица кафе), то другие с той же убежденностью призывали: «Всегда нужно поддерживать неимущих!» (женщина, около 60 лет, высшее образование, заведующая научной лабораторией). Одни горячо отстаивали приоритет общедоступного/бесплатного образования, тогда как другие, размышляя о том, можно ли улучшить образование и медицину, сомневались: «А что, у нас с образованием какие-то проблемы? // [Нужно] вводить различные варианты, в том числе платные. // Да, страхование медицинское...» (женщина и мужчина, около 35 лет, она работник представительства химической фирмы). Одни приветствовали вступление России в ВТО как лекарство против государственной коррупции, иные полагали, что этот несвоевременный шаг лишь закрепит вторичное место России на международном рынке. Никакие из этих спонтанных ожиданий не имели шанса стать универсальным основанием мобилизации, поскольку узнать о них можно лишь из социологических интервью, куда были специально введены вопросы за пределами повестки митингов. В той мере, в какой самоназначенные делегаты оберегали мобилизованное и образованное большинство от однозначной социальной критики и ясных политических программ, по их мнению способных «расколоть движение»²⁸, митинги не сформировали единой политической или социальной повестки²⁹, которая перепроизводила бы митингующих как политический/мобилизованный класс или приближала бы к этому состоянию.

Безусловно, близкая социальная чувствительность, артикулированная в ясных уличных лозунгах, далеко не всегда производит мобилизацию революционного типа или обеспечивает немедленные изменения в политическом режиме. Это доказывает множество примеров, включая самые недавние. Речь даже не о сложных политических следствиях массовых революционных движений декабря 2010 — мая 2011 года, которым ме-

28. Следует отметить, что «раскол движения» оставался одним из главных опасений декабря–марта, озвучиваемых самовыдвинутыми делегатами в организационных дискуссиях.

29. Иллюстрации разнородности социальных предпочтений, в частности восприятия демонстрантами социального государства и ультралиберальных реформ, см. в: Бикбов А. НИИ митингов: войны «Болотной» и «Поклонной» не будет // Слон.Ру. 28.02.2012. URL: http://slon.ru/russia/nii_mitingov_voyny_bolotnoy_i_poklonnoy_ne_budet-758125.xhtml.

ждународные СМИ присвоили поэтическое обозначение «арабской весны», невольно превратив их в ложную парадигму любой уличной мобилизации. Насколько можно судить по публикациям на европейских языках, номинальная повестка этих движений зачастую оставалась как раз весьма широкой и размытой, чаще отсылая к демократии и правам человека, нежели к доступной медицине или вопросам работы/безработицы. В этом смысле характер движения как всеобщего революционного (даже при неизбежном диспаритете различных социальных/классовых фракций в его составе) обеспечивался иными условиями, нежели номинальными требованиями. В отличие от арабских революций, социально более «специализированным» предстало, например, движение украинских малых и средних предпринимателей против реформы налогового кодекса в конце 2010 года³⁰. Этот протест против системы налогообложения, которая ставила под вопрос само существование малого бизнеса, даже при широком составе участников обнаруживал более отчетливый классовый характер, нежели российские митинги.

В отличие и от некоторых арабских движений против диктатуры, и от украинского против налоговой реформы, российские митинги типологически оказались существенно ближе к польскому уличному движению против АСТА (международного торгового соглашения противодействия контрафакту), которое разворачивалось в одно время с российскими митингами «За честные выборы» (январь–февраль 2012 года) и стало наиболее массовым из всех европейских по этой проблеме. В отличие от арабской мобилизации, физическое насилие со стороны как полиции, так и демонстрантов носило здесь точечный характер, выступая эксцессом, но не инструментом борьбы: вместе с российским и украинским уличными движениями польское представляло собой преимущественно *легальный* протест. При этом, как и на российских митингах, социальный состав польских участников был далек от монолитного медийного образа³¹, а их мотивы отчетливо отклонялись от номинальной повестки, знакомой в деталях только специалистам и тематическим активистам. Катализатором польского протеста послужило не столько универсальное осознание ограничений на доступ к культурным благам, которые фактически налагает АСТА, сколько отказ правительства от пускай но-

30. Краткое описание см.: *Pieniążek P.* Klasowa rewolucja // Nowa Europa Wschodnia. 07.12.2010. URL: http://www.new.org.pl/2010-12-07_klasowa_rewolucja.html; *Radynski O.* Majdan rozpedzony, opozycja uwięziona // Krytyka Polityczna. 28.12.2010. URL: <http://www.krytykapolityczna.pl/Serwisukrainski/Majdanrozpedzonyopozycjauiwieziona/menuid-290.html>.

31. В польских СМИ речь шла прежде всего о пользователях пиринговых сетей и хакерах.

минальных консультаций с экспертами и образованным населением перед подписанием дискриминационного международного соглашения³². Группа юристов, проводивших экспертизу проекта и, по сути, готовивших его польский вариант, стала коллективным инициатором протеста, который столь же быстро и внезапно, как в России, приобрел массовый уличный характер³³. Встреча в рамках этого движения обладателей полярной социальной и политической чувствительности, в том числе левых и националистически ориентированных групп и организаций, привела к сознательному (и дебатлируемому) публичному самопредставлению мобилизации как *no-logo*, то есть движения без партийной принадлежности и атрибутики³⁴. Российская уличная мобилизация и большинство ее самовыдвинутых координационных/представительских форм сформировались на схожих условиях «борьбы против общего врага», отказа от перманентного доктринального конфликта между политическими противниками и допуска любых политических флагов/символики в пространство митингов.

Одним из косвенных показателей того, что подобные альянсы, публично ветирующие не только политическую символику, но и внутренние доктринальные дебаты, затрудняют формирование социальной/классовой чувствительности у их массовых участников, в частности осознание «личных трудностей» как социальных проблем, служили ответы на вопрос: «Что мешает Вашему развитию и самовыражению, например, профессиональному?», который был введен в российский вопросник НИИ митингов. При той критике, которую демонстранты адресовали политической и социальной системам в целом, наиболее распространенными ответами на этот вопрос стали: «Только я сама мешаю» (женщина, около 35 лет, работник представительства химической фирмы); «В профессиональном [плане] мне не мешает ничего» (мужчина, 23 года, аспирант и работник маркетинговой фирмы); «Мне

32. Я благодарю польского социолога Лукаша Юржчина, поделившегося обобщениями своего с коллегами исследования, результаты которого пока не опубликованы.

33. Стоит отметить, что результат польского движения как формы легального политического давления был непосредственно ощутимее российского: польский министр культуры стал единственным, кто регулярно выступает на встречах с европейскими коллегами против АСТА.

34. Краткий обзорный текст «изнутри» движения см.: *rysiak*. Hacking for change: anti-acta in poland — seen from the inside // Edgeryders. 28.03.2012. URL: http://edgeryders.ppa.coe.int/welcome-group/mission_case/anti-acta-poland-seen-inside. Помимо прочего, текст перекликается с российскими свидетельствами интонационно: «Десятки тысяч людей по всей стране решились выйти в 30-градусный мороз, чтобы высказать свое критическое мнение против соглашения. <...> Таких протестов не было в Польше по меньшей мере с 1980-х».

ничего не мешает. <...> Единственное, что раздражает, что телевизор противно смотреть. На самом деле, для бизнеса есть проблемы. У моих начальников, хозяев предприятия: чувствуется, что [им] много врать приходится» (женщина, около 30 лет, высшее образование, системный администратор). То, что выход на улицу был мало связан не только с частными социопрофессиональными интересами, но и с осознанием профессиональных/классовых лишений, могла свидетельствовать и такая игра на повышение: «Как бы в плане политической системы пока ничего не мешает. Просто внутреннее ощущение, что хочу жить в свободной стране. Хочу, чтобы государство развивалось по более европейскому пути» (мужчина, около 20 лет, студент-медик). В иных случаях личный опыт политических препятствий и лишений, даже у обладателей не самых привилегированных социальных позиций, так или иначе получал выражение в наиболее общей и отвлеченной форме: «Чиновники в России. Очень затруднительно что-нибудь сделать. Это банальные вещи какие-то, как оформление автомобиля или участка» (мужчина, около 30 лет, высшее образование, IT-специалист); «Общая обстановка в стране» (мужчина, около 70 лет, высшее образование, университетский преподаватель)³⁵.

Последовательная (само) цензура социальных требований в повестке митингов свидетельствовала не в пользу формирования социального или классового представительства, в том числе в его профсоюзной/ассоциативной или протопарламентской форме. И уличные выступления, и сопутствующие инициативы, такие как движение наблюдателей, не привели к созданию структур, которые в некоей гипотетической перспективе могли бы стать аналогом французского «профсоюза средних классов» 1930-х годов — организации традиционной малой и средней буржуазии совместно с интеллектуальными наемными работниками, поначалу тяготевшей к государственному социализму³⁶.

Коллективное основание: зыбкость согласованных представлений о социальной структуре

Мерцающий характер политического и отказ от социального представительства в ходе российской уличной мобилизации были обязаны не только специфике организации/координации протеста. В равной мере они объективировали его коллективное основание: зыбкое чувство социальной принадлежности у самих демонстрантов — чувства, служащего конденсированной

35. Ответы на тот же вопрос: «Что мешает?..».

36. Ruhlmann J. Les classes moyennes, le Parti socialiste de France et le Plan: l'impossible ralliement // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1989. № 17.

формой профессиональной/классовой чувствительности и интересов. Красноречиво гипотетическое отнесение себя демонстрантами к социальным классам обнаруживало неполноту эмпирических и политических критериев любых социальных типологий: «Вы знаете, в современной России достаточно сложно отнести себя к какому-то классу, но будем считать, что я представитель интеллектуального класса» (смеется) (Москва, 4.02.2012, аспирант-социолог); «Я надеюсь себя относить к среднему классу, но у меня, честно говоря, достаточно размытые представления, что это. Я никогда себя не относил» (мужчина, около 25 лет, высшее образование, менеджер из сферы PR); «Мы не любим это социальное разделение. Это на самом деле выдуманно маркетологами, как и все в нашем мире» (женщина, около 40 лет, менеджер в сфере обслуживания) и т. д.

В ответах митингующих «средний класс», который СМИ представили социальной базой, если не вибрирующим самоопределением протеста, сводился к рудиментарным попыткам отдельных собеседников нащупать свое место в социальном пространстве, порой прямо спровоцированным самой ситуацией интервью. Возможно, даже яснее, чем трудности с социальным самоопределением у одних демонстрантов, об этом свидетельствуют высказывания о социальной принадлежности некоторых других. Те из них, кто с оговорками или без отнес себя, казалось бы, к одному и тому же «среднему классу», на деле принадлежат к разным эмпирическим классам. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить объективные социопрофессиональные характеристики тех, кто примкнул к «среднему классу» по самоопределению (интервью в декабре–марте): журналист с неоконченным высшим образованием, предприниматель с высшим финансовым, профессиональная переводчица, менеджер по оптовым продажам электроники с высшим экономическим, врач-рентгенолог из районной поликлиники, несколько студентов-гуманитариев, топ-менеджер частного банка. Иными словами, в эту гипотетически общую категорию включают себя работающие и неработающие, высшее руководство и скромные служащие, фрилансеры и контрактники, работники материального и интеллектуального секторов. Если также принять в расчет интервью по тем же вопросам на митингах в поддержку В. Путина, к «среднему классу», уже по другим основаниям, относят себя некоторые рабочие ручного труда со средним специальным образованием, юрист частной фирмы и банковский работник с высшим экономическим, мастер на заводе с высшим техническим³⁷. Таким образом,

37. Данные из интервью на различных митингах, проходивших в феврале–марте 2012 года в поддержку В. Путина.

диапазон эмпирических классов, гипотетически присутствующих в сверхдетерминированном тотальном «среднем классе», оказывается крайне широк, в пределе совпадая с демографическим большинством населения.

Подобное «истечение» провозглашенного революционным «среднего класса» из протестных пространств не было полностью произвольным. Его инспирировала не только та символическая ценность, какой эту социальную категорию наделили СМИ, но и попытки нормативного перехвата медийных интерпретаций официальными фигурантами протестной критики: «Средний класс — это люди, которые могут выбирать политику. У них, как правило, уровень образования такой, что позволяет осознанно относиться к кандидатам, а не „голосовать сердцем“. <...> Средний класс должен расти и дальше. Стать социальным большинством в нашем обществе. Пополняться за счет тех, кто тащит на себе страну, — врачей, учителей, инженеров, квалифицированных рабочих»³⁸. Очевидно, что в таком сдвиге от придирчивых избирателей к «становому хребту» страны обозначение «средний класс» утрачивало и социальную, и политическую определенность, за исключением единственного признака. Это понятие снова начинает функционировать как нормирующий фантазм, который прямо наследует ранним российским теориям о природе этой несуществующей, но желанной социальной группы, призванной обеспечивать «социальную стабильность» и даже выступать «гарантом общественной безопасности»³⁹.

Размытие общепризнанных социальных различий и отсутствие спонтанного коллективного запроса у митингующих на социальное представительство во многом позволяют объяснить неудачу попыток постоянного самоделегирования/представительства в рамках широкой протестной мобилизации. В рамках критического (или, следуя терминологии Бурдьё, «еретического» в отношении заведенного порядка) общественного движения коллективное делегирование протеста новому коллективному органу крайне чувствительно к минимальной определенности свойств и интересов, которые позволяли бы представителям

38. Путин В. Россия сосредоточивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 16 января 2012 года. Примечательно, что именно формула «Я пришел сюда по зову сердца» часто звучала в речи участников митингов «за Путина» в феврале–марте 2012 года, словно подтверждая обозначенную их кандидатом «неосознанность» выбора.

39. Из академических и университетских публикаций см., в частности: Умов В. И. Российский средний класс: социальная реальность и политический фантазм // Полис. 1993. № 4; Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. М.: Аспект-пресс, 1995; Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Средние слои в современной России (опыт анализа проблемы) // Социс. 1998. № 7.

конденсировать коллективное тело представляемых в своем высказывании⁴⁰. Условность предпочтений при выборе между карманными партиями и кандидатами, предпочитаемое мобилизованным большинством состояние незавершенности/отсрочки делегирования, как и неопределенность чувства социальной принадлежности в рамках непроблематизированной социальной иерархии, превращали демонстрантов в людей без определенных политических и социальных свойств, которые могли быть признаны ими самими настолько, чтобы стать основой для убежденного делегирования и столь же убедительного представительства традиционного толка.

В такой мобилизации «людей без свойств», которые в противном случае они сами могли бы признать как определяющие их протестные действия, большинство (около двух третей) обладали высшим образованием⁴¹ и нередко профессиями или учебной специализацией в интеллектуальном секторе и сфере коммерческих услуг. Иными словами, чтобы, сторонясь институциональной политики, представлять себя самостоятельно в пространстве протеста, они располагали не только охарактеризованным выше желанием, но и достаточными интеллектуальными навыками. На протяжении всех протестных месяцев можно было наблюдать более общий и ощутимый зазор между способностью/склонностью значительной части митингующих к «облегченным» формам самопредставления, которые исключают классовую конденсацию и политическую профессионализацию протеста, и интересом наиболее организованных групп к политическому представлению движения в пределе создания оппозиционной парламентской партии традиционного типа. Притом что этот зазор оставался ключевым политическим напряжением внутри протестной мобилизации, он почти никак не был тематизирован в очном или заочном диалоге между претендентами на постоянное представительство и теми, кто демонстрировал общую готовность быть представленными. Проект Координационного совета оппозиции, полностью игнорирующий коллективное желание отсрочки/незавершенности делегирования, не снимает этого

40. Бурдьё П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 35.

41. Это одна из немногих точек совпадения между результатами, полученными НИИ митингов, и данными крупных опросных агентств. О несовпадении и изъянах опросных техник применительно к митингам см., напр.: Силаев Н. Указ. соч.; Третьяков А. «У нас революции случаются не потому, что революционеры очень сильные, а из-за того, что власть делает крупные ошибки» // Бизнес Онлайн. 05.07.2012. Раздел «НИИ митингов: готовность отвечать за себя и общество, появление социальной повестки, локальные инициативы». URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/62365/>.

напряжения, а, скорее, скрывает его в процедурной форме. Как следствие, подобная организация протеста не произвела условий для революционного разрыва через учреждение нового представительства. Более того, во многом осталась публично не артикулированной конфигурация нового политического субъекта, носителя практик политической эмансипации и автономии, которые не могли быть реализованы в его отсутствие.

ПРОТЕСТ ВО ИМЯ СТАБИЛЬНОСТИ: ПРАКТИКИ СУБЪЕКТИВАЦИИ

Одной из показательных попыток определения такого возможного, или будущего, субъекта, к которой циклически на протяжении последнего десятилетия возвращалась среда практических интеллектуалов: активистов малых политических организаций, сетевых журналистов, экспертов гражданского сектора, сотрудников неправительственных правозащитных организаций (НПО), стала дискуссия о политической субъектности. В отличие от политических философов, чаще склонных рассматривать этот вопрос в терминах глобальной политизации/деполитизации и общемировой «тенденции к распаду политической субъектности»⁴², интерес гражданского сектора направлялся вполне прагматичными поисками тех еще неполитизированных сред, которые способны в скорейшем будущем «созреть» или быть целенаправленно «доведенными» до состояния действующего субъекта. Этот интерес предстал неразрывно связанным с регулярными попытками некоторых институций сектора произвести подобный субъект, задействованный в универсалистских публичных кампаниях, включая уличные акции по правам человека и политическим свободам (слова и собраний). Иными словами, гражданский субъект 2000-х годов мыслился нормативно прежде всего как субъект универсальных прав и свобод, а практически — как группа активных граждан, перманентно вовлеченных в разрешение проблемных ситуаций в сфере прав человека (НПО) или социальных прав (левый активизм). В 2008–2010 годах в этой дискуссии со стороны ряда НПО не раз звучал физикалистский тезис, что все активные среды, готовые к борьбе за универсальное представительство, успели в нее вступить, а некоторые, сформированные еще в 1990-х, находятся на пороге отмирания, тогда как новые и еще неизвестные среды и субкультуры вызревают медленно, и надежд на скорые и яркие проявления гражданского активизма мало. На фоне

42. Капустин Б. К вопросу о социальном либерализме. Беседа с Борисом Межуевым // Логос. 2004. № 6.

экономического кризиса конца 2000-х годов в дискуссиях, посвященных субъекту политических изменений, эксперты, которые представляли различные позиции этого сектора, сходились в том, что всплеска массовой публичной активности можно ожидать лишь при еще более массовом росте безработицы и обострении социальных лишений⁴³.

При всей ошибочности таких ожиданий и связанных с ними страхов (лишения — бунт — кровь), которую продемонстрировала массовая уличная мобилизация декабря 2011 года, а чуть ранее — не предвиденные в российском контексте феномены, подобные политизированному ЛГБТ-движению или арт-активизму, эта условно общая дискуссия о политической субъектности приобрела статус распределенного лабораторного объекта, проясняющего специфику политического участия в России.

Негегемониальные политические практики

Прежде всего, квазипрофессиональная модель гражданского участия, предложенная традиционными активистскими группами и НПО в качестве основного инструмента (само) субъективации и лежащая в основе таких ожиданий, предстала одной из многих и далеко не самых действенных альтернатив. Пока, на протяжении 20 лет, массовая публичная активность оставалась перспективно-ностальгическим мифом, тесно связанным с уличным опытом конца 1980-х — начала 1990-х годов, отсутствовала возможность подтвердить или опровергнуть безальтернативный дискриминирующий тезис о негодности «материала», то есть самого российского общества для развертывания самоуправляемых гражданских инициатив. Внезапная массовая мобилизация декабря 2011 года, получившая развитие в движении наблюдателей на президентских выборах и выездных «десантах» наблюдателей в регионы, выдвижении независимых муниципальных депутатов и внеинституциональной помощи затопленному Крымску, прозвучала критическим антитезисом.

Как массовая эйфорическая, так и убежденная благотворительная мобилизации вплоть до настоящего дня выстраиваются в логике, принципиально отличной от традиционной гегемони-

43. В качестве примера таких дискуссий, относительно редко доводимых до публикации, можно привести достаточно представительный в этом отношении круглый стол: Четвертые Ходорковские чтения «2009. От стабильности к неопределенности». Сессия III: «Состояние общества: способность к коллективным действиям». URL: <http://www.mbk-readings.org/2009-ot-stabilnosti-k-neopredelennosti-chetvertye-xodorkovskie-chteniya-otkrytie-i-i-sessiya/2009-ot-stabilnosti-k-neopredelennosti-chetvertye-xodorkovskie-chteniya-iii-sessiya-sostoyanie-obshhestva-sposobnost-k-kollektivnym-dejstviyam>.

альной. Этот новый режим можно обобщить в следующей формуле: «Я займусь этим сам; вы, если хотите, присоединяйтесь»⁴⁴. Крайне важным элементом этого типа совместного действия выступает соблазн, имманентный акту представления и часто истирающийся в процессе его аппаратной бюрократизации, в частности партийной. В отличие от институционального делегирования в российском политическом контексте, эта модель возвращает участникам протеста удовольствие быть вместе, неразрывно связанное с соблазном/удовольствием быть представленными — на ограниченное время и в рамках узкой «протестной» компетентности, будь то опыт борьбы с коррупцией, умелая критика правительства или приобретенный опыт автономных гражданских инициатив. Такая модель активистского соблазна во многом снимает привычную антитезу между «серьезным» (на «24 часа в сутки») доктринальным активизмом и «легким» (ведущим за пределы обыденности и рутины) совместным потреблением времени.

Помимо прочего, такой режим существенно снизил порог вхождения в поле «опасной» и «унылой» проблематики общего интереса для обладателей тех социальных позиций и траекторий, которые традиционно предрасположены сторониться и общепринятых банальностей, и крайностей, не отмеченных признаками исключительности и/или престижа. Не проведя специального исследования, трудно судить о том, насколько часто координационные и технические функции в таких инициативах выполняли представители сектора интеллектуальных услуг, включая образцовых работников «нового капитализма»: рекламы, PR, дизайна, современного искусства, СМИ. Можно, однако, утверждать, что, не будучи основной действующей силой митингов и солидарных инициатив, эти участники, особенно чувствительные к новизне и уникальности, придали им беспрецедентный характер увлеченной работой по мгновенной мемориализации собственного опыта (фото, видео, тексты в социальных сетях), нормализовав его и одновременно маркировав как социально желательный (увлекательный, «продвинутый»)⁴⁵. Практики субъективации, напрямую производные от их профессионального опыта и при этом имеющие мало общего с опытом профессионального политического и гражданского активизма, и их социопрофессиональная (клас-

44. Ряд новых центров координации и представительства протеста, в частности «Лига избирателей» и «Мастерская протестных действий», своим успехом были обязаны последовательному воплощению именно этого режима участия.

45. В этом смысле те из претендентов в представители, кто характеризовал протестное движение как активность «креативного класса», безусловно, имели в виду прежде всего самих себя.

совая) самоцензура, артикулированная в вето на насилие и революционные лозунги, de facto учредили нового субъекта критической и публичной политической активности, по отношению к которому тематический и доктринальный активизм предшествующего десятилетия во имя универсальных прав и свобод выглядел извне и воспринимался самими активистами и сотрудниками НПО даже не в качестве подготовительной фазы, а, пользуясь самокритичной метафорой, в декабре–феврале циркулировавшей в активистских кругах, ситуацией «отставших от паровоза».

Педагогика самоуполномочения⁴⁶

Техники массовой мобилизации продемонстрировали также разрыв с педагогическими моделями большинства устойчивых активистских групп и НПО, нацеленных на производство субъекта гражданской/уличной политики⁴⁷. За исключением практик самоуполномочения, наиболее полно реализованных в российском анархистском движении, значительная часть активистских инициатив строится на гегемониальных принципах, то есть руководстве коллективным действием политически наиболее опытными и идейно сознательными (самоназначенными) делегатами. Это сближает их с рядом НПО, которые зачастую основывают свою работу, в том числе инициацию внешней публичности в гражданские проекты, на индоктринации и пастырском контроле за идейно «незрелыми»/«несознательными» участниками, чей «обывательский» опыт они часто осознанно цензурят. В обоих этих случаях политическая/гражданская педагогика предполагает, что индивидуальный или коллективный субъект (в частности, меньшинства или носители субкультуры) сначала формируется «идейно», под патронажем и даже принуждением к ответственному мышлению со стороны опытных и сознательных активистов, и лишь затем получают право вступить в пуб-

46. Здесь и далее я буду использовать понятие «самоуполномочение» в значении, близком английскому (self) empowerment, то есть как практику, определяющей чертой которой является перевод привычных или стигматизирующих социальных признаков, влечений, опыта, свойственных той или иной группе, в коллективно одобряемые. Наиболее часто это понятие используется в контексте образовательных, гендерных, расовых практик, направленных на демаргинализацию меньшинств и непривилегированных категорий.

47. Под активистскими группами имеются в виду прежде всего объединения и движения леворадикального спектра. Среди НПО, на которые распространяются приводимые наблюдения, можно назвать «Московскую Хельсинкскую группу», «Мемориал», «За права человека», «Пермскую гражданскую палату», «Молодежное правозащитное движение» и тематические проекты последнего.

личное пространство. Так, члены некоторых активистских сетей, действующих в поле НПО, считают себя «прогрессорами»⁴⁸ в отношении неопытных потенциальных участников гражданских инициатив, которых следует «доводить» до состояния субъекта, форсируя приобретение ими правозащитного сознания и порой специально вовлекая в рискованные столкновения с инертными властными структурами.

Гегемониальным/пастырским техникам производства субъекта, автономия которого может быть гарантирована лишь аскетическим усвоением верных идей, массовое протестное движение противопоставило технику увлекательного личного примера, который не предполагает идейной сопричастности и длительной работы по подготовке, а соблазняет мгновенным практическим экспериментом: «*Попробуйте сами, это важно и нетрудно*». Возможность получать новое знание/компетентность *во время* совместного публичного действия, а не *до* присоединения к нему объясняет специфику российских митингов не только и не столько как идейного политического акта, а как познавательного эксперимента, попутно снимая интригующее противоречие между самой непосредственной заинтересованностью в участии и избыточностью социальных/электоральных предпочтений у демонстрантов. Приглашение к спонтанной кооперации с увлеченными активистами-практиками оказалось действенным как в организации выхода на улицу, так и при распространении информации, привлечении новых участников и сочувствующих. Сниженный таким образом порог вхождения — участие без предварительных условий — при этом сохранил функцию социального фильтра: воспроизводить неординарный опыт в личном эксперименте оказались склонны прежде всего те, кто считает себя для этого в достаточной мере уполномоченным социально, в частности обладает достаточным для этого образованием, заработком или типом занятости, требующим самостоятельности и инициативы. Этот факт позволяет хорошо объяснить *сверхпредставленность* среди демонстрантов — обладателей высшего образования и наличие у значительного числа интервьюированных того или иного опыта управления собственной жизнью: от поисков места на рынке труда и фрилансовой занятости до участия в благотворительных и локальных инициативах, подобных личной помощи детским домам или тушению лесных пожаров летом 2010 года.

48. Понятие присутствует в вокабуляре одной из таких ассоциаций, куда оно перенесено из романов братьев Стругацких «Трудно быть богом», «Волны гасят ветер», где «прогрессоры» — это представители высших цивилизаций, которые исподволь руководят низшими мирами, снабжая их высокими технологиями и пытаясь «довести» до уровня цивилизационной автономии (аналога субъекта гражданского действия).

Подобные формулы мобилизации, озвученные или подразумеваемые публичными лидерами мнений, говорящими от своего лица и одновременно от лица «всех неравнодушных», стали одним из слагаемых внезапного успеха уличных митингов. Изначально заявленные традиционными активистскими группами и рассчитанные на столь же традиционные несколько сотен участников, уличные акции превратились в многотысячные митинги и шествия в тот момент, когда их уже открытая к неактивистам структура была освоена и переозначена публичными фигурами, принципиально дистанцирующимися и от бюрократического (в том числе партийного), и от гегемониального политического представительства. В числе прочих использование этой модели можно проследить в высказываниях одного из наиболее известных российских блогеров Алексея Навального, который в течение предшествующего года получил широкое признание в качестве своеобразного представителя «всех неравнодушных», то есть главного контрофициозного политика⁴⁹. До 5 декабря он не предлагал выход на улицу как способ принуждения властей к закону. Однако по мере публикации официальных результатов голосования и свидетельств о нарушениях на парламентских выборах он «проснулся» вместе с другими спонтанными «аполитичными» и в своем блоге призвал к участию в первом согласованном митинге.

Текст его призыва дает хороший пример того, как выстраивается серия замещений от возмущенного «я», через безальтернативное «надо», к уже локализованному на улице «мы»: «Я не хочу, чтоб Москва была слабым звеном. <...> Мы не должны молчать, когда эти сволочи просто тупо и не сильно стесняясь выкидывают наши голоса в помойку, приписывая Жуликам и Ворам. Сегодня в 19–00 на Чистых прудах будет митинг в знак протеста против фальсификации выборов. На него надо обязательно приходиться. <...> Очень надеюсь, что на этом митинге мы увидим лидеров оппозиционных партий»⁵⁰. Имплицитно в этом переходе

49. Фигура неофициального представителя, избегающего аппаратных игр, как обычно, перестает быть необъяснимой при отказе от презумпции географической/национальной уникальности России. Так, в Италии в последнее десятилетие популярность приобрело неформальное движение, лицом которого стал комик и популярный блогер Бeppe Гpилло, резко критикующий как правительство, так и любые действующие партии за коррумпированность и неспособность реализовать народные интересы. Это движение получило обозначение «антиполитика», притом что некоторые его участники в последние годы победили на местных выборах в ряде регионов.

50. Запись «Митинг на Чистых прудах. Сегодня. 19–00» в блоге Алексея Навального. URL: <http://navalny.livejournal.com/656297.html>.

от «я» к «мы» заключена и упомянутая выше формула «Я займусь этим сам; вы, если хотите, присоединяйтесь». Подобная тактика субъективации, выстроенная на *испытании* реальности, определяющим в которой служит желание/соблазн, избавленный от предварительных условий и обязательств, но также от гарантий какого-либо однозначного исхода, находит массовое признание образованных и склонных к индивидуальной автономии участников. Несмотря на самоцитирование ораторов и очевидное исчерпание номинальной повестки, эти носители схожего понимания совместного действия продолжают приходиться на следующие митинги, а затем и в уличные лагеря, тем самым обеспечив их повторяющийся характер и численность. По крайней мере в Москве это превращает уличные акции в ситуативную городскую институцию.

*Уполномоченное самоиспытание
и критическое испытание порядка*

Парадигмальным примером реализации тех же двух принципов, или техник мобилизации, может служить «Мастерская протестных действий» — самоорганизованная координационная структура под патронажем журналистки Маши Гессен. Собрания «мастерской» проходят в кафе и клубах, где любой желающий может выйти на сцену и предложить свою идею или инициативу, обозначив, какие силы и средства, по его мнению, необходимы для ее реализации. Сразу после этого выслушавшие его желающие могут присоединиться, записавшись в рабочую группу и обменявшись друг с другом контактами. В этом пространстве ветируются любые «неконкретные предложения» и «общие рассуждения», включая политические дискуссии. Одобрение модераторов и ядра публички получают только проекты инициатив, осуществимых практически. Инициативы, сформулированные нечетко, могут коллективно уточняться и переводиться в простой практический алгоритм. Политические мотивы и предпочтения, целесообразность участия и стратегические цели участников, связанные с планируемой акцией, намеренно выносятся за скобки обсуждения. Такая модель предполагает участие тех, «кого не нужно убеждать», кто уже разделяет самое общее понимание акта выхода на улицу или иного совместного действия. В результате субъект такого коллективного действия выстраивается через пробу себя, взятия на себя полномочий при переносе уже имеющихся организационных/профессиональных навыков и интуиций в новое пространство, принципиально маркированное как эмоционально позитивное. Модераторы сборки рабочих групп выступают здесь не политическими представи-

телями протеста, поскольку не берут на себя функции делегатов от оформленных групп, но, напротив, «возвращают» участникам место в публичном обсуждении и действии. Ролью представителей протеста их впоследствии наделяют СМИ — в тематических материалах и интервью.

Схожим образом работает модель «оккупай»-ассамблеи, где любой участник может высказаться по повестке, в формировании которой имеет право принять участие на предшествующем шаге дискуссии. Доктринальные дебаты здесь также ветируются, а участники/публика получают прямое влияние на высказывание и отзыв оратора при помощи оговоренных жестов, за которыми следит модератор. При очевидной хаотичности и повторах, ошибках модерации и неизбежном обсуждении «тяжелых» вопросов (таких как распределение бюджета уличного лагеря), которыми отличается контекст ассамблей, способный быстрее, чем в «мастерской», исчерпать «позитивный настрой» участников, в московском случае можно было регулярно наблюдать, как участники подбадривают друг друга, предлагая колеблющимся взять слово, не дают слова вне очереди известным медийным фигурам или отзывают излишне навязчивого оратора/модератора.

Таким образом, и на «оккупай»-ассамблеях, и в «Мастерской протестных действий» в отношении любых, в том числе «незрелых», участников действует педагогика самоуполномочения, противоположная акту делегирования мнения и голоса профессионалам в рамках постоянного политического представительства. Вместе с тем такая (само) педагогика политического субъекта предполагает отказ от революционной подготовительной аскезы и стигматизации «обывательства», характерных для гегемониальных моделей активистского политического действия. Напротив, она крайне толерантна к отказу от перманентного активизма и даже может уделять привилегированное внимание (в случае «мастерской») «аполитичным» компетентностям и ресурсам участников, как и важности благоприятного эмоционального фона коллективного опыта. Эти практики субъективации не диктуют участникам разрыва с профессиональным, семейным и любым иным «неактивистским» временем жизни, заранее признают недостаток свободного времени и подчеркивают ценность того обстоятельства, что участники готовы «бросить все дела и прийти», «сорваться на митинг» и т. п.

Нормализация обычного опыта в рамках протеста находит соответствие в массовом восприятии демонстрантами собственных действий еще до и помимо опыта прямой демократии или площадок, подобных «мастерской». В частности, объясняя свой возможный вклад в изменение российского общества, демонстранты могли предлагать не только ожидаемо активист-

ские или социоинженерные, но и парадоксально нормализующие варианты. В число последних, озвученных митингующими в декабре 2011 — феврале 2012 года в Москве, Петербурге и Париже, можно было встретить такие⁵¹: «Следовать законам, хорошо относиться к людям вокруг меня», «Я просто поддерживаю гражданскую позицию каждый день. Я уступаю место пожилым, я помогаю поднимать им сумки. Я считаю, что надо быть просто человеком», «Мусор не кидать, не выплевывать окурки на землю», «Мы можем воспитать нашего классного сына, чтобы он стал хорошим человеком», «Делать правильные вещи», «Да просто быть честным. Я честный, работаю, с чиновниками иногда воюю», «Хотя бы тем, что я присутствую здесь», «Прийти на подобный митинг», «Ходить на выборы и голосовать», «Чтобы изменить страну, я ничего не могу сделать, я могу изменить себя», «Единственное, что можно сделать, — это то, что сейчас и делается. <...> Нужно участвовать в интернет-жизни. Фейсбук. Создавать другие платформы», «На мой взгляд, каждый в своей профессиональной сфере должен требовать уважения своих прав и должен требовать улучшения климата и демократичности процессов во всех сферах», «Выразить свое мнение, активно участвовать в выборах и призывать к этому своих друзей и знакомых», «Участвовать в волонтерских инициативах», «Ну, у меня, слава богу, работа имеет к этому отношение. Я работаю в оппозиционном издании». Парадокс этих высказываний состоит в том, что в качестве экстраординарных, в пределе революционных практик, которые могут изменить неприемлемый политический порядок, демонстранты предлагают его «улучшенные» нормализацией элементы. Тем самым «революционная» перспектива мобилизации переворачивается, позволяя увидеть, что по крайней мере для части демонстрантов их действия являются не протестом во имя глубоких изменений общества (каким, в частности, было массовое уличное движение конца 1980-х — начала 1990-х годов), а протестом *во имя стабильности* — идеализированной честной стабильности в противовес коррумпированной официальной.

Парадигмой самовосприятия в протесте здесь служит не только релевантное моменту мобилизации «[я могу делать] то, что сейчас и делается», но и куда менее специфическое: то, что я и так делаю в своей обычной жизни. Ответы, которые поначалу могут прозвучать обескураживающе или курьезно, приобретают иной смысл в логике самоуполномочения. Ценные в восприятии демонстрантов, эмоционально и нормативно маркированные прак-

51. Полная формулировка вопроса: «Что можете сделать лично Вы для изменения ситуации [в стране]?».

тики обычной жизни, ничем не обязанные доктринальному активизму или институциональному представительству, а самое главное, официальным властям, которые со своих привычных мест *смещены* в контекст экстраординарного коллективного выхода на улицу, приобретают смысл осознанного/уполномоченного автономного действия. Предельная нормализация здесь — это разрыв с аномальностью заведенного порядка, который полностью утратил свою меру и смысл. В том же ряду следует рассматривать использование привычных городских практик в качестве протестных и «оппозиционных»: коллективные прогулки, которые «сами по себе», то есть без лозунгов и транспарантов, начинают функционировать как политическое высказывание; сбор групп участников в привычных рекреационных зонах города, где привычно собираются группы для совместного проведения времени (таких как Чистые пруды и Арбат в Москве); выход на Красную площадь в белой одежде, когда полицейские, задерживающие «демонстрантов», не способны отличить белую блузку как знак протеста от такой же белой блузки как знака сезонной моды. Все вместе они представляют собой серию испытаний порядка на ненормальность, выраженную в реакциях полиции, городских и федеральных чиновников, провластных СМИ. Критическое испытание заведенного порядка становится актом, комплементарным учреждающему субъект испытанию личных полномочий, которые проверяются при взятии участниками слова или самостоятельном поддержании законного (ненасильственного) и «культурного» характера своего протеста⁵².

Познавательный эксперимент и утопические мотивы

Отличие субъектности этого протеста от хорошо изученных образцов традиционного (гегемониального) представительства включает еще одну черту: непривычно широкое пространство конвергенции политических и интеллектуальных смыслов, в котором приостанавливаются все предварительные условия участия, свойственные системе ранее установленных и признанных политических координат. Предельная свобода игры с политическими переменными, отразившаяся в самодельных лозунгах мобилизации и эйфорически маркировавшая массовые митинги, составляет лишь одно из ее проявлений. Другим, куда более проблемным с точки зрения традиционных политических делений становится специфический режим соучастия в «общем деле» не только поли-

52. О ключевом для протеста мотиве законопослушания подробнее см.: Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма. Раздел «„Внезапный“ активизм между гневом, иронией и законопослушностью».

тических оппонентов, находящихся в доктринальном и/или физическом конфликте⁵³, но и в пределе любых групп и представителей, готовых испытать себя в новом совместном опыте. Такой режим не только располагает к формированию по-лого площадок постоянного представительства, подобных упомянутому «Гражданскому движению» или Координационному совету оппозиции, где ни одна из политических сил не имеет достаточной легитимности для лишения голоса своих традиционных оппонентов. Он также делает возможным присутствие на главной сцене антиправительственного митинга недавнего министра и действующего консультанта премьер-министра Путина (Алексея Кудрина⁵⁴) или ведущей рейтинговых коммерческих телешоу (Ксении Собчак), которые выступают против коррупции и нарушений закона вместе с политическими оппозиционерами и маргинальными до того момента ультранационалистами, включая руководителей запрещенных организаций (таких как Александр Белов, экс-ДПНИ).

Хрупкое равновесие между чрезвычайно разнородными, прежде не связанными силами, одновременно вступившими в протестное движение, и спонтанный уход массовых образованных участников от гегемониальных моделей делегирования/представительства — такое невероятное ни при каких иных обстоятельствах соседство в равной мере образует самореферентный эффект, стирающий границу между политически наличным и потенциально возможным состоянием протеста. Более точно этот эффект заключается в том, что ораторы, получившие доступ к новой публике самыми разными (и часто далекими от той или иной демократической процедуры) путями, согласны говорить вместе, точно так же как массовые участники пробуют выслушать их всех. Протест перестает быть политическим в узком смысле этого слова и снова демонстрирует характер познавательного акта. И ораторы, претендующие на представительство, и публика, желающая быть представленной, но также склонная к тому, чтобы представлять себя сама, пребывают в состоянии общего *эксперимента*, избавленного от привычных институциональных ограничений. В такой смысл протеста и собственного в нем участия тесно вписано жела-

53. Крайнее выражение такого приостановленного конфликта — соседство на митингах и дискуссионных/координационных площадках антифашистов и анархистов, с одной стороны, и ультранационалистов — с другой, отдельные группы которых традиционно могут сталкиваться не только в заочной доктринальной полемике, но и в уличных драках.

54. Несмотря на уход А. Кудрина с правительственных постов в октябре 2011 года, за неделю до митинга, 24 декабря 2011 года, Владимир Путин утверждает: «Вы знаете, Алексей Леонидович Кудрин никуда из моей команды не ушел» (Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение // Телеэфир канала «Россия 1». 15.12.2012. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17409/index.html>).

ние «просто» узнать побольше: «Послушать выступающих, посмотреть, сколько народу придет, просто попридти» (Москва, 24.12.2012, женщина, около 25 лет, среднее образование, работник сферы IT); «Просто выйти посмотреть, сколько людей поддерживает одну и ту же точку зрения» (женщина, около 25 лет, высшее образование, научный работник) и т. д.

В ситуативных границах такого эксперимента делегаты от существующих политических групп и фракции политически компетентной публики отнюдь не отказываются от собственных (автономных) предпочтений: их физическое соседство в этом смысле не является знаком устойчивого политического альянса со взаимными обязательствами и признанными правилами выхода. В некотором отношении *возможно все*. Этот принцип, отвечающий скорее алхимическому или религиозному испытанию, нежели политической солидарности и кооперации, помимо прочего, подтверждается многочисленными нарушениями явных договоренностей и неявных конвенций, привязанных, в частности, к акту легального согласования митингов, когда националистические организации неоднократно подают заявки на все большие публичные площадки в Москве, опережая самовыдвинутый оргкомитет митингов, или регулярные «прорывы» к главной сцене тех же националистических групп почти на каждом массовом шествии. В обоих случаях это не служит основанием для их исключения из no-logo координационных структур протеста. Тактические разрывы и эксперименты, которые не признаются опасными и не влекут за собой коллективных санкций, локализуются также за рамками мобилизации, представляя собой множественные и разнонаправленные пересечения «линии баррикад». Так, в момент, когда Борис Немцов и Евгения Чирикова, как самовыдвинутые представители протеста, встречаются с новым послом США в России, Алексей Навальный вместе с ультранационалистом Владимиром Тором в том же качестве участвуют в чаепитии с представителем Московской патриархии РПЦ⁵⁵. Вслед за участием в протестном митинге 4 февраля 2012 года делегаты от националистических групп отправляются на дружественную встречу с Дмитрием Рогозиным, одним из ключевых представителей официозного национализма на институциональной сцене⁵⁶, за что не подвергаются даже номинальным публичным санкциям. Подобное раскрытие политического в своей чистой и в некотором смысле «примитивной» форме — как возможности любых

55. Чаплин обсудил с Навальным и Тором подготовку к акциям протеста // Грани. Ру. 18.01.2012. URL: <http://grani.ru/Society/Religion/m.194941.phtml>.

56. Национал-патриоты готовят русский ответ // Родина. Конгресс русских общин. 04.02.2012. URL: <http://rodina.ru/kronews.php?id=501>.

маневров и альянсов — согласуется со стиранием в иных случаях «опасной» или попросту дискредитирующей политической/медийной репутации у целого ряда претендентов в представители, которых массовые участники воспринимают в качестве «новых людей» по факту их совместного нахождения на главной сцене экстраординарной мобилизации.

Такое восприятие свойственно далеко не всем демонстрантам. Однако явственно критические суждения, подобные этому, звучат реже эйфорического одобрения любых и всяческих альянсов: «Понравилось выступление Акунина, Касьянов и Немцов мне близки. Только не выступления националистов и Кудрина — это не мое. Вот у меня вызывает вопросы, почему пустили к микрофону националистов. <...> Я против, чтобы на таком митинге, где собрались умные люди, выступали националисты и Кудрин» (Москва, 24.12.2012, мужчина, около 55 лет, рабочий ЖКХ). Дело не только в том, что «странные» альянсы ораторов легитимируют в качестве представителей демократического протеста группы, в том числе органически противостоящие демократии, в частности ультранационалистические и ультралиберальные. Помимо и сверх этого очевидного политического результата вето на осуждение/исключение каких бы то ни было сил и групп придает высшую легитимность самому нетривиальному соединению разнородных элементов, которое нарушает привычные политические противопоставления, связанные в восприятии демонстрантов с уловками или издержками действующей власти: «Здесь как бы весь спектр представлен, и все люди спокойно стоят рядом друг с другом. Это то, как должно быть устроено нормальное общество» (женщина, около 50 лет, высшее образование, главный бухгалтер). Эйфорическое единство, которое в одних случаях может неявно содержать националистические предпочтения и логики исключения, в других явно противопоставляет им куда более широкое «вместе»: «Была на Болотной. На Пушкинской были после Манежки: интеллигенция собирала митинг „Москва для всех, Россия для всех“ — я там была. Нужно жить всем вместе, и тогда получится все хорошо» (женщина, за 60 лет, школьный воспитатель).

Мотив «нормального общества» без навязанных властями противопоставлений, удовольствие «быть вместе», которое прослеживается в целом ряде инициатив и интервью на месте событий, — элементы, которые редко оказывались в фокусе быстрых «экспертных» интерпретаций митингов. Между тем вне этого основания невозможна адекватная реконструкция горизонта протеста, приобретающего ритмический характер и собственные процедурные формы. Протест, субъектность которого формируется в ходе испытания себя участниками и нормализующего эксперимента по объединению политически разъединенного, де-

монстрирует отчетливый утопизм, включая восстановление изначального единства, фантазматически предпосланного любым политическим разделением: «Я могу просто физически присутствовать и выразить свое мнение на улице вместе со всеми» (женщина, около 25 лет, высшее образование, художник-аниматор). Этот ключевой момент позволяет понять движение, которое «почему-то» регулярно возобновляется, — не в горизонте лишений и не в рамках социальной повестки, а в невидимом зазоре между неудовлетворительным (коррупцированным) наличным правлением, чья аномальность нормализована привычным соотношением сил, и потенциально безупречной механикой политики и представительства, когда партии действуют в интересах граждан, чиновники не воруют, а государство работает на всеобщее благо. Здесь уместно еще раз вспомнить пожелания демонстрантов, которые столь наивно звучат в контексте «серьезных» политических требований: «Чтобы законы работали элементарно, чтобы суды были честными, чтобы армия была сильная, вот... Ну, то есть чтобы все нормально работало и функционировало». Мотивирующим зазором между негодной наличной и потенциально благой системами правления оказывается утопия, все последние 20 лет используемая для декоративного оформления реформ, которую даже сами реформаторы давно перестали воспринимать всерьез, но которая, как можно видеть, сохраняет вполне практический смысл для образованных людей, в той или иной мере управляющих собственной жизнью и ожидающих следования правилам от своих номинальных представителей. Заново активировав это утопическое пространство и уполномочив все действующие группы и силы испытать себя в нем, массовое уличное движение предложило свое решение дилеммы представительства: не революция представителей и институциональное сохранение ее завоеваний, а регулярно повторяющийся опыт/эксперимент участия, субъект которого учреждается в публичной пробе себя через многократные акты самоуполномочения.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ОТКРЫТЫЙ ФИНАЛ

Если десятилетняя дискуссия в гражданском секторе о субъектности политического действия послужила лабораторным объектом, который продемонстрировал разрыв между нормативными моделями и реальностью массового протеста, то митинги стали самой лабораторией, в которой оказались задействованы не только исследователи и многочисленные интерпретаторы, но и сами участники беспрецедентной уличной активности.

Не будучи местом материализации единого проекта социального или политического представительства, протест стал площадкой во многих смыслах открытого испытания множеством участников себя и реальности, то есть прежде всего познавательного эксперимента, который отдельные наблюдатели ошибочно интерпретировали в терминах праздности и самодостаточного поиска новых/острых ощущений. Подобная интерпретация могла быть оправдана условиями традиционного представительства или гегемониальными практиками, по отношению к которым эту уличную мобилизацию с легкостью можно было квалифицировать как «несерьезную» или незавершенную. Однако если протест, заявляющий себя а-революционным и законопослушным, ввел новые, в пределах революционные техники субъективации, они заключались прежде всего в регулярном отказе от самого гегемониального типа представительства. Подтверждением этому может служить целый ряд наблюдаемых форм: от единичных ниспровергающих жестов в адрес кандидатов в постоянные политические делегаты, массового использования остроумия и самоуполномочения на обыденные действия в качестве протестных до процедурно устойчивых уличных ассамблей и сборов инициативных групп в городских клубах.

Субъектность протеста во многом реализовалась в готовности/соблазне участников испытывать себя в публичном коллективном действии без предварительных условий и гарантий. О том, определила ли такая готовность новую революционную парадигму, невозможно судить по итогам первого большого митинга в нескольких городах и даже всей серии массовых уличных акций, пока они ни завершились признанием победителей, способных придать универсальную форму разрыву с предшествующим режимом правления. Пока можно утверждать, что массовый уличный протест вновь сделал возможной в России политику как приостановку институционализованного насилия, заново открыв этот опыт всем возможным исходам — одновременно угрожающим и обнадеживающим. И репрессивная реакция силового аппарата государства, в том числе аресты активистов уличных акций, и становление новых самоуправляемых инициатив, таких как «десанты» наблюдателей и гражданская помощь затопленному Крыму, показывают, как эта история продолжает совершаться.

Полгода — недостаточный срок, чтобы ожидать необратимости от этого эксперимента. Но достаточный, чтобы рассматривать его со всеми регулярностями и сбоями как завершенный опыт, предпосылающий ближайшему будущему практические образцы политического/познавательного действия. Как можно видеть, эти образцы вовсе не обещают участникам митингов защиты от аппаратных ловушек «хватай всех». Утопические мотивы

вы протеста при действующих институтах аппаратного представительства оставляют возможность для повторной эксплуатации самых различных моделей политического единства, не исключая националистические. Иными словами, перевод всей подвижной платформы протеста в формальное уполномочение еще одной или нескольких зарегистрированных партий, выходящих на институциональную сцену, по-прежнему возможно.

Другое историческое использование этого опыта, на сей раз ставшее ближе к реальности, — это дальнейшая радикализация движения как совместного действия. Не в направлении физического насилия, этого фантазма любой массовой мобилизации, а в пользу растущей эмансипации от аппаратного представительства и уполномочения гражданского самоуправления, которое начало приобретать собственную форму в подвижных границах уличных лагерей с их практиками переприсвоения города, автономными хозяйственными зонами и «оккупай»-ассамблеями. Переворот, произведенный в пространстве протеста по отношению к логике бюрократического представительства и лидерства, который получил форму анонимного и распределенного опыта участия, явился ключевым моментом, открывшим возможность для революционного разрыва. Его реализация может быть завершена только в *обратном переносе* этого опыта в контекст обыденных/профессиональных взаимодействий, что представляет собой, вероятно, наименее тривиальную задачу как с точки зрения ее рутинной практической реализации, так и с точки зрения ее символического представления и эмпирического исследования. Можно видеть, что для такого разрыва/переноса, способного изменить отношение власти в самых разных сферах, в том числе не связанных с политическим представительством, в уличном протесте также имеются некоторые основания. Главным из них, несомненно, остается открытость участников к новому самоиспытанию и их готовность снова встречаться на улице и в составе самоуполномоченных инициатив. Не исключено, что именно эта «неревolutionная» регулярность и политическая активность «по случаю» позволят закрепить завоевания протеста и воспроизвести их в коллективном опыте, тем самым дав импульс новым, неаппаратным формам социального представительства в качестве универсальных.